

40, 49.

13. Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т.1. С.630-631.

14. The Economist. 1998. July 25-31. p. 23.

A. Suraeva

GENERAL AND ESPECIAL IN HISTORICAL
PROCESS

Abstract: The author on a concrete actual material traces dialectics universal and unique in world historical process. The special attention pays on interaction general civilizational imperatives of development and soil details.

Key words: social invariant, the soil imperatives, fundamental social constants.

УДК 1 (091)

Шахназаров В.Г.

СПЕЦИФИКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОХРАНИТЕЛЬНОГО КОНСЕРВАТИЗМА 2-Й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА И М.Н. КАТКОВА)*

Аннотация: В статье рассмотрены характерные черты консервативного мировоззрения, выделены особенности охранительного консерватизма. Обрисована духовная атмосфера в России 2-й половины XIX века, когда оформлялась охранительно-консервативная идеология (глубокий кризис всех сторон российского общества, распространение в среде интеллигенции западных идей, кризис Русской православной церкви). Далее исследовано, как в охранительно-консервативном мировоззрении К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова отразились яркие черты, присущие русскому консерватизму в целом: православная религиозность, утверждение самодержавной государственности, стремление к сохранению общественной иерархии, критика либерализма, революционного социализма, нигилизма, антизападнический пафос. В заключении подчеркнуты негативная и позитивная роли консерваторов-охранителей 2-й половины XIX века.

Ключевые слова: консерватизм как философская позиция, охранительная функция консерватизма, К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, западничество 2-ой половины XIX в., консерватизм в своей критической функции.

Проблема сущности консерватизма далека от окончательного прояснения, и тому есть ряд причин. Первая – необходимость преодоления ложных стереотипов. Как справедливо пишет А. Репников, «долгие годы термину консерватизм в нашей стране придавалась заведомо негативная окраска. Представители этого течения общественно-политической мысли в нашей стране рассматривались исключительно как «реакционеры»,

«мракобесы» и т.д.»¹. Консерваторам априори отказывали в творческом начале, ибо полагали, что их стихия – приверженность ко всему отжившему, вражда ко всему новому и передовому. Русские консерваторы XIX в. действительно высказывали резкое недовольство необдуманными модернизационными процессами, ломкой устоявшегося стиля жизни (особенно эта критика усилилась к концу столетия). При этом игнорировался тот факт, что зачастую консерваторы выступали не апологетами застоя как такового – «они видели пути решения проблем, стоящих перед страной, не в радикальной революционной ломке, а в опиравшемся на национальный опыт постепенном эволюционном реформировании системы»².

Еще одна проблема: консерватизм плохо поддается рациональному дискурсу. Сложно облечь данное мировоззрение в форму четких дефиниций по той причине, что, в отличие от либерализма, основанного на здравом смысле, логике, интересах эмпирического мира, консерватизм сакрален, базируется на глубинных религиозных основаниях, иррациональных началах, таких, как Вера, Любовь. Как пишет А.Н. Боханов в статье «О «теории», которой не было», «никакой «консервативной теории», т.е. системы четких политико-социологических положений и определений, в этой области не существует. Имеется лишь сумма мировоззренческих признаков и общественных ориентиров, позволяющих провести социальную грань и констатировать наличие консервативной страты в социальной среде... Русский консерватизм – это область чувства, инстинкта, религиозного таинства»³.

В целом, мы разделяем *обобщенные черты* некоего инварианта консервативного мирозерцания, которые приводит в своей монографии О.В.

* © Шахназаров В.Г.

Парилов: «1. Отношение к обществу как к организму, развивающемуся в опоре на национальный духовный опыт. 2. Настроенность на позитивное развитие, но – в опоре на фундаментальные основы, базисные ценности нации. Допускается их изменение по форме, но не по содержанию. 3. Акцент на устойчивость бытия; устойчивость трактуется в качестве главного критерия в жизни общества (либерализму, напротив, присущ акцент на изменчивость бытия). 4. Если либерализм в развитии социума опирается на личностное начало, ему свойственна апология великих людей, то консерватизм сориентирован на народные, соборные начала. Не личность, а народ – «единственный и постоянный действительный истории» (выражение А.С. Хомякова). Отсюда – разные подходы к государству. 5. Либерализм трактует государство в качестве силы, призванной защищать личность и обеспечивать ее юридическую свободу. Для консерватизма государство – сила, организующая народ»⁴.

Вместе с тем, считаем приведенный список сущностных черт консерватизма неполным; необходимо добавить как минимум две особенности: 6. Яркий выраженный антирационализм; 7. Акцент на внутренней духовной свободе личности (в то время как либерализм базируется преимущественно на внешне-юридическом понимании свободы).

Следует рассмотреть вопрос о *вариациях консерватизма*. При всем изобилии его разновидностей, можно провести четко выраженную демаркационную линию, разделяющую консерватизм на два магистральных направления, – отношение к традиции, к развитию социума. Первое направление консерватизма рассматривает традицию как «становящуюся, развивающуюся мысль, опирающуюся на исходные фундаментальные принципы», отстаивает идею *поступательного развития в опоре на ценностный фундамент традиции*, стремится найти компромисс между появляющимся новым и традиционно сложившимся старым»⁵. Подобный консерватизм Л.Е. Шапошников определяет как «новаторский»⁶, О.В. Парилов – как «конструктивный»⁷ или «органический»⁸. Мы же определим его как «консерватизм» без каких-либо эпитетов, по умолчанию предполагая новаторский, органический его характер. Второе направление консерватизма относится к традиции как к застывшему, нацелено на сохранение уже сформированного и принципиально отказывается от приобретения нового. Это *охранительный консерватизм*, к которому отчасти тяготеют К. Победоносцев и М. Катков.

Необходимо вкратце обрисовать ту духовную атмосферу, в которой оформлялась консервативная мысль 2-й половины XIX века, что позволит глубже понять мировоззренческие установки К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова. Поражение

в Крымской войне обнаружило глубокий кризис всех сторон жизни российского общества, техническое отставание от лидирующих стран Запада, что настоятельно требовало модернизации. Одним из важнейших ее этапов стала серия реформ 60-х – 70-х годов XIX в. Пореформенную Россию характеризует длительный болезненный переход от феодально-общинной к буржуазно-капиталистической фазе развития, что в итоге вылилось в революционные потрясения начала XX века, кардинально изменившие российскую историю.

Многими лидерами консервативного движения это воспринималось как крушение устоявшегося миропорядка, тем более что все это происходило на фоне массовых антигосударственных выступлений, все нарастающего террора⁹. Духовная атмосфера характеризовалась жестким противостоянием консервативно-монархической националистической идеологии с имеющими западные корни либеральной и революционной социал-демократической идеологиями. Последними велось активное наступление на институт самодержавия: «Демифологизация фигуры самодержца, потеря уважения к власти, наступление духовного упадка в обществе, рост антимонархических настроений в обществе и прочие подобные явления... консерваторы относили на счет пропаганды либерализма и социализма, которые, вытесняя из жизни сакральное понимание государственности, заменяли его либо идеей парламентской демократии, либо идеей построения социалистического общества»¹⁰.

Усугублял духовную и социально-политическую ситуацию кризис Русской православной церкви, о чем писали И.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков. Вот, к примеру, высказывание С.А. Аскольдова о Русской церкви конца XIX века: «Русская церковь в ее эмпирической земной организации была именно тем средоточием и основой религиозной жизни, откуда распространилось расслабление и упадок религиозного духа. Имея мистический страх перед революцией и согласно с духом христианства отстаивая религиозные основы существующей власти, Церковь, несомненно, перешла допустимые пределы охранительной политики»¹¹. Высказывались призывы к обновлению русского православия применительно к меняющимся условиям общественного развития.

Словом, вполне объяснимы то уныние и отчаяние, пессимизм, поразивший лидеров консерватизма в конце XIX века.

Трактовка охранительного консерватизма как «мракобесия» стала общим местом как в отечественной, так и в зарубежной исследовательской литературе. Но у любого явления (и у данного тоже) есть «две стороны медали». Отрицательная сторона реакции – внеисторичность; иницируя застой

социального организма, реакционизм неизбежно обрекает его на разложение и гибель. Кроме того, реакция провоцирует взрыв революционности как ответного действия на идеологию застоя. Однако следует отметить и положительную сторону реакции, ибо она в эпоху кардинальных модернизационных ломок, некритичного восприятия чуждого, неорганичного национальной стихии духовного и материального опыта, выступает существенным противовесом данным негативным тенденциям.

К тому же, навешивание ярлыка «мракобеса», «реакционера» на русских консервативных авторов зачастую является следствием поверхностного взгляда на их мировоззрение. Показателен в этом К. Победоносцев. В отношении к социальному развитию пореформенной России он, скорее, – реакционер. Но в подходе к развитию личности, полагаем, его можно трактовать как консерватора в позитивном смысле, то есть, отстаивающего идею органического развития в опоре на православную традицию. Сердцевинной взглядов К. Победоносцева был принцип «люди», а не «учреждения». В одном из писем он писал: «Мы живем в век трансформации всякого рода: в устройстве администрации и общественного управления. И до сих пор последующее оказывалось едва ли не плоше предыдущего. У меня больше веры в улучшение людей, а не учреждений»¹².

В целом, специфика охранительного консерватизма такова, что он активизируется, как правило, в переломные исторические периоды крушения устоявшегося миропонимания. При переходе от сакральной средневековой культуры к западной светски ориентированной культуре Нового времени зарождается старообрядчество. В конце XIX века, накануне крушения монархического строя, времени революций, охранительная мысль также проявлена чрезвычайно ярко. Данная реакция, стремление «подморозить» социум – отнюдь не попытка плавного перехода в новый исторический эон, но – стремление любой ценой сохранить Россию, уберечь ее от необратимого разрушения. Как следствие, черты, присущие консерватизму в целом, в охранительном его варианте приобретают крайние, гипертрофированные формы.

Именно социально-политическая, духовная ситуация, складывающаяся в пореформенной России, быстро погасила либеральные устремления К. Победоносцева и М. Каткова. Для них стало очевидным, что реформы приобретают вид слепого копирования западного духовного и социального опыта, что на фоне активного проникновения в Россию разлагающих идей либерализма и революционного социализма, нигилизма и все нарастающего терроризма стремительно разрушается традиционный патриархально-сословный уклад. Если до 60-х гг. М.Н. Катков «одним из первых вы-

двинул широкую программу преобразований, выступая за отмену крепостного права, развитие местного самоуправления, реформу суда, за расширение прав печати и отмену... цензуры»¹³, то уже в начале 60-х гг. он резко критикует А. Герцена и его «Колокол», а в период правления Александра III он, по сути, возглавляет проекты «контрреформ». Сходную мировоззренческую эволюцию пережил и К.П. Победоносцев.

В целом, фундаментом русского консерватизма выступает православная религиозность. Представители охранительного консерватизма 2-й половины XIX в. несомненно, выделяются своей ортодоксальностью. М.Н. Катков, ставший в 1868 г. основателем и попечителем Лицея Цесаревича Николая при Московском университете, отстаивал классическую систему образования, в основу которого он закладывал религиозное просвещение. Религиозный онтологизм – одна из существенных черт мировоззрения К. Победоносцева. Органическая жизнь, как духовно-материальное единство бытия, выступает первичной категорией в его философии: «Жизнь – это свободное движение всех сил и стремлений, вложенных в природу человеческую, цель ее в ней самой, в этом движении заключается»¹⁴. Органичность жизни проявляется в ее простоте, непосредственности, естественности, что, в свою очередь, по убеждению К. Победоносцева, ярко воплощается в основанной на христианской этике жизни простого народа (в противовес искусственной атеистической рациональной цивилизации). Религиозный онтологизм предопределяет такую существенную особенность его мирозерцания (в целом, характерную для отечественного консерватизма), как ярко выраженный антирационализм. В данном контексте он утверждает примат жизни над философией, наукой: «Жизнь – не наука и не философия, она живет сама по себе, живым организмом... В применении к жизни всякое положение науки и философии имеет значение вероятного предположения, гипотезы, которую всякий раз необходимо поверить здравым смыслом»¹⁵. В русле отечественного консерватизма, К.П. Победоносцев и М.Н. Катков утверждали идею симфонии Церкви и государства.

Важнейшая черта русского консерватизма – признание доминирующей роли государства и незыблемости самодержавной власти в России – К. Победоносцевым и М. Катковым особенно ярко выражены. Они утверждали полное подчинение государству, в «искании над собой власти» видели сущность человеческой природы. В условиях социального катаклизма они утверждали роль государства в преодолении соблазнов, народ же, по их убеждению, должен доверять власти во всем, как ребенок доверяет родителям. Оба мыслителя были солидарны в том, что суть гуманного от-

ношения к людям – не в потакании их порокам и слабостям, а в противодействии тому, что их губит. Ослабление власти, считал М.Н. Катков, ведет к смуте, ибо вместо явного правительства появляется тайное. Самодержавие он трактовал как силу, удерживающую государство и народ от хаоса. Для обоих мыслителей самодержавная власть – это огромная личная ответственность монарха перед Богом, жертва во имя Отечества. В противовес либеральному – рационалистическому – прочтению государственной власти, К. Победоносцев трактовал ее в контексте христианского вероучения: власть – это одно из орудий божественного домостроительства, зримым образом воплощающая начало порядка в мире¹⁶. По верному утверждению А. Репникова, К. Победоносцев наиболее из всех русских консерваторов сакрализировал власть, утверждал идею невозможности ее однозначной формализации, адекватного вербального выражения ее сущности¹⁷. Исходя из этого, он постоянно подчеркивал христианскую максиму, что всякая власть – от Бога. Утверждение правды, отличие ее от субъективизма «своеволия» людей – основная задача власти; власть, считает мыслитель, священна, потому что существует ради Бога, а не ради себя самой.

Болезненно воспринимая социальные катаклизмы в пореформенной России, К. Победоносцев и М. Катков в укреплении самодержавной власти видели спасение от этих деструктивных процессов; как следствие, выступили с идеей ничем не ограничиваемого самодержавия. В «Московском сборнике» (1896 г.) К. Победоносцев утверждал, что плодотворные меры исходят от «центральной воли государственного деятеля... а масса, как всегда и повсюду, состояла и состоит из толпы «vulgus»¹⁸. В свою очередь, М. Катков писал: «Сам монарх не мог бы умалить полноту своих прав. Он волен не пользоваться ими, подвергая через то себя и государство опасностям, но он не мог бы отменить их, если бы и хотел»¹⁹.

Еще одна значимая черта русского консерватизма – «стремление к сохранению общественной иерархии, традиционного сословного строя»²⁰ – у русских консерваторов-охранителей также проявляется очень ярко. Социальным идеалом К. Победоносцева был гармоничный союз традиционных сословий – патриархального крестьянства, купечества, «коренного» дворянства, живущего в своих имениях. «Обосновывая иерархическое подчинение религиозным догмам, К. Победоносцев, подобно богословам средневековья, был искренне уверен в том, что каждая личность должна рассматриваться в рамках тех обязанностей, которое влекло за собой ее положение на иерархической лестнице»²¹, – справедливо пишет А. Репников. С задачей сохранения и укрепления

сословной социальной иерархии тесно связаны педагогические воззрения мыслителя. Главную задачу системы образования он видел в том, чтобы подготовить человека к *реальной* жизни. Поэтому школа не должна отрывать человека от окружающей среды. М. Катков видел роль монарха, в том числе, и в единении сословий: «Трон затем возвышен, чтобы пред ним уравнилось различие сословий, цехов, разрядов и классов»²².

Одна из существенных черт русского консерватизма – острая критика либерализма, революционного социализма, нигилизма, антизападнический пафос – в охранительном консерватизме К. Победоносцева и М. Каткова также выражены чрезвычайно рельефно. Это вполне закономерно: Запад однозначно воспринимался русскими охранителями как агрессивная сила, разрушающая исконные православные устои. Духовная, материальная деструкция российского социума, по их убеждению, детерминирована активным вторжением чуждой по своим духовным основам западной культуры. М.Н. Катков утверждал и отстаивал идею независимой (прежде всего, от Запада) политики России: «Зло... исчезнет само собою, как только в Европе выступит во всем величии самостоятельная Россия... управляемая лишь своими, явно осознаваемыми интересами... Быть же обязанною чужой помощи – это было бы новым унижением России, это значило бы скрыться под покров чужой силы, которая и сама только тем сильна, что держит нас в своей зависимости»²³.

Именно Запад К. Победоносцев считал рассадником «отравляющей безумные русские головы» идеи, что власть исходит от народа, а не от Бога; по К. Победоносцеву, западный либерализм ошибочно обожестил человеческую волю, заменив ей Волю Божественную. Особенно он порицал выборную систему власти, основанную на эмоциях толпы, на которых умело играют удачливые карьеристы: «История свидетельствует, что существенные, плодотворные для народа и прочные меры... исходят от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокой идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей»²⁴.

В критике К. Победоносцевым, М. Катковым либерализма, парламентаризма, демократии, заимствуемых на Западе, косвенно проявилось утверждение органического бытия нации, что является центральным пунктом отечественного консерватизма. В данном контексте, как иные консервативные мыслители, они резко критиковали беспочвенную, оторванную от национальных корней русскую интеллигенцию, вменяя им в вину тактику бездумного копирования и, как следствие,

разрушение государственного организма. В одном из писем К. Победоносцев писал по этому поводу: «Самые злодеи... суть не что иное, как крайнее искажение того же обезьяньего образа, который приняла в последние годы вся наша интеллигенция. После этого – какого же ждать разума и какой воли от этой самой интеллигенции»²⁵.

В целом, мировоззрение охранителей было плодом катастрофического перелома во 2-й половине XIX века. Их попытки найти простые решения сложных социальных задач были утопичны и только ускоряли крушение самодержавной государственности. Не сумев адекватно отреагировать на социальные метаморфозы, они в итоге зачастую приходили к голому отрицанию. В этом их трагедия. Но нельзя принижать и позитивную роль консерваторов-охранителей этого периода. Именно они настойчиво проводили мысль, что отнюдь не внешнее реформаторство является источником социального оздоровления. Имеющие искусственный, неорганический характер, проводимые насильственно, реформы, скорее, губят общество и государство. Фундаментом же крепкого, органично развивающегося социума выступает духовная высоконравственная личность. Охранители упорно отстаивали актуальную и по сей день идею: чем богаче духовная жизнь общества (религиозная, умственная, политическая), тем меньше оснований для отрицания жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. – М.: ACADEMIA, 2007. – С. 3.
2. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. – С. 3.
3. Боханов А.Н. О «теории», которой не было // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 113, 114.
4. Париков О.В. Русская идея: от Древней Руси к новому времени. – Н. Новгород: НПА, 2005. – С. 18.
5. Париков О.В. Русская идея: от Древней Руси к новому времени. – С. 15.
6. См.: Шапошников Л.Е. Философия и догматическое богословие в России. Историко-аналитические очерки. – СПб., 1998. – С. 4.
7. См.: Париков О.В. Русская идея: от Древней Руси к новому времени.
8. См.: Париков О.В. Консервативная форма русского национального самосознания: становление и основные этапы развития: Дисс... докт. филос. н. – Н. Новгород, 2006.
9. В 1881 году террористами был убит царь-реформатор Александр II, что К.П. Победоносцев, находящийся в это время на вершине власти (Обер-Прокурор Священного Синода), воспринял как личную трагедию. В 1901 году было совершено покушение на самого К.П. Победоносцева.
10. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. – С. 16, 17.
11. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. С. 230

- 231.
12. Цит. по: Рыжов К.В. Сто великих россиян. – М.: «Вече», 2000. – С. 219.
  13. Измествьева Г.П. Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. – 2004. – № 3. – С. 76.
  14. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. – М.: «Русская книга», 1993. – С. 114.
  15. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. – М.: «Русская книга», 1993. – С. 78.
  16. См.: Буров А.В., Пушкин С.Н. Консервативные взгляды К.П. Победоносцева // Проблемы духовной жизни: история и современность. – Н. Новгород: НГПУ, 2002. – С. 127.
  17. См.: Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. – С. 126.
  18. Победоносцев К.П. Московский сборник. – М., 1896. – С. 27.
  19. Катков М.Н. Имперское слово. – М., 2002. – С. 427.
  20. Репников А.В. Метаморфозы русского консерватизма: от С.С. Уварова до Никиты Михалкова // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 107.
  21. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. – С. 152.
  22. Катков М.Н. Имперское слово. – С. 384.
  23. «Зло исчезнет, как только во всем величии выступит Россия». Записка М.Н. Каткова Александру III / Публ. В.Л. Степанова // Источник. – 1994. – № 5. – С. 8.
  24. Победоносцев К.П. Сочинения. – СПб., 1996. – С. 278.
  25. Победоносцев К.П. в письмах к друзьям / Публ. и прим. О. Майоровой // Вопросы литературы. – 1989. – № 4. – С. 277.

V. Shakhnazarov

SOME PECULIARITIES OF THE MID 19TH CENTURY RUSSIAN REACTIONARY CONSERVATISM IN TERMS OF K.P. POBEDONOSTSEV AND M.N. KATKOV

Abstract: The article deals with some specific problems, concerning certain characteristics of conservative ideology. It emphasizes particular qualities of Russian reactionary conservatism. The article allows us to feel the moral atmosphere of the severe crisis that affected all spheres of the Russian society, including the Orthodox Church, reviews west-oriented ideas, widely spread among intelligentsia, and gives a thorough description of the phase of Russian history when the ideas of Russian reactionary conservatism were being formed. To continue, the author gives us the analysis of some shining features of Russian reactionary conservatism as they are defined by K.P. Pobedonostsev and M.N. Katkov: orthodox religiosity, autocratic nationhood consideration, the criticism of liberalism, revolutionary socialism, nihilism and revolutionary pathos. To make a conclusion, the author stresses the negative and positive role of the mid 19th century reactionary conservatism ideology adherents.

Key words: conservatism as a philosophical position, guarding function of conservatism, K.P. Pobedonostsev, M.N. Katkov, Westernizers 2nd half XIX century, conservatism in the critical function.